

Резкий горький едкий вкус проник в нос Минлань, и та распахнула глаза. Над ней склонилась взволнованная старшая служанка Цхуй. Она наливала в чашку женьшеневый суп из маленького эмалированного кувшинчика.

— Всё в порядке, главная госпожа.

Минлань махнула рукой. У неё кружилась голова, и в голове было много мыслей, к тому же, она напрягала все свои силы семь или восемь часов, стремясь добраться до пункта назначения, как бегун на соревнованиях. Пробежав этот марафон, она была истощена и физически, и морально, и очень хотела просто погрузиться в глубокий сон. Она попыталась сесть или хотя бы немного привстать, чтобы лечь повыше, её тело было очень слабым, а голос хриплым:

— Покажи мне ребёнка.

Женщина сбоку торопливо принесла туго спеленатого младенца с улыбкой на лице и несколько раз повторила:

— Он красивый пухлый мальчик с белоснежной кожей! Поздравляю, главная госпожа! Поздравляю!

Руки Минлань сейчас были слабыми, поэтому она могла только смотреть на старшую служанку Цхуй. Та взяла ребёнка и поднесла его поближе. Минлань горько улыбнулась: откуда они вообще взяли «белоснежную» кожу? Младенец был красным и сморщенным. Однако он действительно был пухлый, у него была круглая голова и пухлые щёки, чётко очерченная переносица, а веки казались опухшими.

— Недавно он так сильно плакал, что его громкий голос чуть не снёс крышу! Это сильный мальчик! — рассказала старшая служанка Цхуй, счастливо улыбаясь, слёзы брызнули из её глаз. — Боюсь, он просто немного устал плакать.

— Нужно наградить всех! — слабо кивнув, спокойно произнесла Минлань. — Вы все хорошо потрудились и будете вознаграждены.

Служанки в комнате тут же поклонились, чтобы поблагодарить её.

Минлань тяжело дышала, опираясь о мягкие подушки спиной, она расстегнула свои одежды и всё-таки с трудом взяла малютку на руки, а затем велела ему попробовать пососать. Старшая служанка Цхуй помогла ей придержать ребёнка. Все служанки были ошеломлены, благородные женщины никогда не кормили грудью самостоятельно. Минлань добилась этой

возможности после многочисленных дебатов. Она, конечно, была вынуждена пригласить кормилицу, но Минлань сказала, что в первый раз хочет попробовать покормить самостоятельно. Говорят, молоко матери очень полезно, и оно может не только укрепить организм, но и усилить иммунитет. В эпоху, когда детская смертность была очень высока, и не было никаких вакцин, Минлань не могла пренебречь этим знанием. Кроме того, у неё нет свёкра, который мог бы осудить её, и наложницы, которая крутилась бы рядом и пыталась сдерживать её. Так почему она не может воспользоваться своей властью?!

Малыш был невероятно мягким. Как только его открывающийся и закрывающийся рот коснулся груди матери, он среагировал тут же и нашёл, во что можно вцепиться. Хотя сосание было не слишком сильным, было видно, что он очень старается. Наконец Минлань решила, что для первого раза достаточно, однако малыш упорствовал. Пока он ел, он успел прерваться несколько раз, чтобы поулыбаться или похныкать, а теперь, когда у него пытались отобрать еду, активно выражал протест. Он продолжал тянуться к её груди и открывать и закрывать рот. Положив его мягкую голову к себе на грудь, Минлань растрогано поцеловала его в лоб. Это было сильное и цепкое маленькое существо.

После того как старшая служанка Цхуй и две повитухи по очереди произнесли «хватит», мелкий поганец, наконец, утомился от своей тяжёлой работы. Казалось, он высосал всё драгоценное молоко. Минлань с улыбкой наблюдала за тем, как малыш закрыл глаза и с трудом сглотнул. Смотря на эту маленькую фрикадельку, Минлань внезапно ощутила, что все страдания, которые она перенесла, того стоили. Старшая служанка Цхуй отвернулась, чтобы вытереть слёзы.

Минлань была так утомлена, казалось, все силы покинули её. Она снова и снова смотрела на ребёнка, разглядывая его от нежно-розовых мизинцев и пальцев на ногах до маленьких ушей, которые сейчас казались маленьким сморщенным комком. Новорождённый не мог есть много, поэтому Минлань облегчённо выдохнула и, передав ребёнка старшей служанке Цхуй, уснула. Она почти не придавала значения тому, что свет пожара за окном давно исчез, на смену ему пришёл ровный и яркий свет. Если бы её спросили, почему она была так спокойна, она ответила бы: «Господин Ту очень хорош и он заслужил хорошую награду, это всё что я могу сказать».

Минлань, вероятно, родилась человеком, совершенно лишённым бдительности. Она долго спала и, проснувшись, увидела, что небо было ярким, а душного грязного воздуха в покоях больше не было. Пока она спала, старшая служанка Цхуй успела немного очистить её тело от пота. Рядом с кроватью сидел высокий человек с небритым лицом, он пристально смотрел на большой свёрток, лежащий на подушке рядом с ней, его рука была вытянута в его направлении, будто бы он хотел коснуться его, но не решился, поскольку не знал, как это делать.

Поняв, кто это Минлань ощутила спокойствие, а затем в её груди разгорелся огонь. Она вспомнила всю тяжелую работу, которую проделала за эти дни, все невзгоды, которые вынуждена была испытать. И всё это из-за того, что этот бесполезный человек бросил её беременной! Оставил одну на съедение своей семейке!

— Ты невероятен! Вернулся, наконец? — проигнорировав сухость в горле, возмутилась она,

приподнявшись на кровати. — Что ты сказал, когда уходил?! Сначала спокойствие в мире, затем я! Ты!.. Ты!..

В комнате до сих пор было слишком много людей. Ощувив смущение, старшая служанка Цхуй торопливо попросила Даньдзю вывести всех. Гу Тинье, который был довольно толстокожим, ни капли не смутился. Улыбнувшись, он прижал Минлань обратно к кровати.

— Ты очень устала, не вставай. Ты можешь ругать меня лёжа.

Минлань очень хотелось наброситься на него и покусать, но она заметила, как он с любовью смотрит в сторону её тяжелой ноши. Смотря на ребёнка, лежавшего на подушке рядом с ней, она ощутила удовлетворение. Его маленький рот открывался и закрывался, два маленьких пузырька выскочили наружу из его носа, он мирно спал, усыплённый благовониями.

— Он родился таким красивым, у него сильные руки и ноги. Думаю, он будет умным человеком.

Взгляд Гу Тинье был полон нежности, казалось, он вот-вот заплачет. Он не мог придумать имени этому красному, пухлому маленькому пельмешку.

— Давай говорить тише, чтобы не беспокоить его, — улыбнувшись, предложил Гу Тинье. Минлань с трудом сдержала смех. Ей пришлось несколько раз глубоко вздохнуть и выдохнуть прежде, чем она почувствовала, что способна говорить.

— Ты не представляешь, насколько этот ребёнок энергичный, — всё ещё зачарованно смотря на своего сына, сказал он. — Я слышал его плач даже за пределами покоев! Когда он вырастет, он непременно станет достойным человеком.

Минлань очень хотела сказать «Ну, в любом случае он не имеет ничего общего с сыном той певички», но она одёрнула себя и спросила:

— Когда ты вернулся?

Гу Тинье, наконец, перестал разглядывать ребёнка, улыбка исчезла с его лица.

— Когда наше поместье загорелось.

Выражение лица Минлань смягчилось, она осмотрела своего мужа с головы до ног и обнаружила, что он был одет в потрёпанный плащ тёмного цвета, его лицо было обветренным, а сапоги для верховой езды сильно изношены. Только после этого она вспомнила о текущей ситуации и тут же попыталась встать.

— Мне нужно много рассказать... Огонь снаружи... Пожилая госпожа Цинь... Семья Ю... —

Минлань не знала, с чего начать, и из-за этого лишь беспорядочно бормотала.

Гу Тинье ощутил жалость и помог Минлань сесть, подложил под её поясницу толстую мягкую подушку и шёпотом утешил её:

— Не волнуйся, теперь я здесь и решу все эти вопросы. Я виноват в том, что тебя обидели.

Нос Минлань покраснел, её глаза были на мокром месте. Она опустила голову и отвернулась в сторону, вытирая слёзы о толстую подушку. Когда Гу Тинье увидел это, он ощутил укол в сердце: он никогда не разговаривал с женщинами мягко, поэтому мог только наклониться, крепко обнять её и похлопать по спине.

Если бы она захотела сказать, что не чувствует совершенно никакой обиды на него, это было бы ложью. Яо Йийи отлично помнила времена, когда две её лучшие подруги были беременны. Муж одной из них был полицейским. Поскольку его жена хотела выпить сладких консервированных фруктов посреди ночи, он надел свою форму и отправился стучать в небольшой магазинчик внизу. Он стучал так громко, что до смерти напугал пожилую пару, которая вынуждена была открыть ему магазин. Её вторая подруга вела себя ещё более возмутительно. В полдень ей захотелось полакомиться жареными палочками из теста, которые отлично готовил её муж. Она так сильно достала своего мужа, который работал в налоговой инспекции, что ему пришлось отпроситься с работы, чтобы приготовить их ей. Но что насчёт неё?

Минлань тихо всхлипнула, утыкаясь носом в шею Гу Тинье. Муж убежал неизвестно куда, и она не видела даже кончика его волос! В её доме живёт старая ведьма с ядовитым ртом и чёрным сердцем. Она каждый день вынуждена была напрягать свой разум, чтобы выжить. Она была истощена! Она боялась и переживала! Если бы не её исключительные психологические качества, она бы это не пережила! Минлань с радостью посмотрела бы на кого-нибудь другого на её месте!

— Главная госпожа, вы только-только родили ребёнка, вам нельзя сейчас так сильно плакать, — ощутив неладное, попросила старшая служанка Цхуй, приблизившись к ней. — Пожалуйста, успокойтесь. Вы можете заболеть!

Гу Тинье был встревожен этими словами, он поспешно вытер её лицо и принялся уговаривать её перестать плакать. Поскольку он никогда не разговаривал с женщинами мягко, и привык лишь командовать солдатами, он мог сказать только:

— Что толку плакать! Зуб за зуб! Когда тебе станет лучше, как насчёт того, чтобы дать ей несколько пощёчин, чтобы выпустить свой гнев?! Я определённо не стану останавливать тебя!

Он так усердно вытирал ей лицо, что Минлань ощутила дискомфорт. Однако, услышанное развеселило её, поэтому она пошутила:

— Ты не тесто месишь, перестань!

Она прекрасно знала, что не может так поступить, иначе их осудят и он может потерять то, что с трудом заработал.

Она не знала, что ему нелегко находиться на улице, и это было трудно заслужить славу.

— Ты закончил дела на юге? — усилием воли остановив слёзы, Минлань взяла смоченное в тёплой воде полотенце, которое протянула старшая служанка Цхуй и вытерла лицо.

«Только не говори, что ты бросил работу и сбежал!» — подумала она. Она не хотела, чтобы её сын прогневал императора, едва родившись.

Гу Тинье наклонился и поцеловал спящего сына. Младенец неопределённо запищал, его сон всё ещё был крепок. Он лишь отвернулся и выпустил изо рта ещё пару пузырей, тем самым выражая своё недовольство. Его отец дотронулся до бороды и недобро улыбнулся. Затем он жестом велел старшей служанке Цхуй унести ребёнка и развернулся к Минлань.

— Дело уже окончено, но если бы не милость императора, я не смог бы вернуться так рано.

Минлань вздохнула с облегчением. У неё было много вопросов, и она не могла выбрать, что именно хочет спросить.

— Значит, дело господина Дуань решено? Он вернулся?

— Это было легко, — улыбнувшись, ответил Гу Тинье.

— А ты не поддаёшься на уловки, — пошутила Минлань, изображая благородную госпожу. Она думала, что Гу Тинье, по крайней мере, расслабится из-за её поведения, но тот тяжело вздохнул.

— Произошло кое-что странное, но, к счастью, я взял с собой господина Гунсуня.

Хотя у Гу Тинье было хорошее происхождение, в молодости он был тем ещё разочарованием и он слишком-то усердно учился, поэтому он не был также образован, как большинство других детей из благородных семей. Поскольку он не слишком-то хорошо разбирался в делах, ему приходилось брать с собой господина Гунсуня, который был известен своим умом даже в тех

криминальных кругах, в которых они вращались, пока Гу Тинье жил как бродяга. С точки зрения господина Гунсуня, было две странности.

Во-первых, был ли замешан кто-то в смерти напрасно погибшей женщины. Во-вторых, то, откуда ресторан получал рыбу.

Минлань внимательно выслушала его и поняла, что оба этих пункта были связаны. Она не могла не хлопнуть в ладоши. Гу Тинье намеренно рассказывал ей о взлётах и падениях во время судебных процессов, это заставляло Минлань или веселиться или грустить.

Как только они прибыли на место назначения, сначала они навестили господина Дуаня, который был похож на загнанного в угол зверя и молил о помощи. Его тщательно допросили, а затем они разделились на две группы. Господин Гунсунь с отрядом охраны отправился расследовать снаружи, а Гу Тинье устроил пир, на котором собрались местные солдаты разного положения. Поскольку выпивки ему было в любом случае не избежать, они просто устроили пир на своей территории. Они подали исключительно хорошее вино, но все от простого солдата до генерала, хоть и восхваляли его, лишнего пить не хотели. Также специально были приглашены прекрасные девушки, но они не обращали на них внимания.

«Возможно, они боялись, что хоу всерьёз взялся за дело господина Дуаня и пытается таким образом понять, что к чему», — Минлань с интересом слушала его рассказ и слегка улыбалась, Гу Тинье также находил происходящее забавным. — «Он действительно негодяй! Он просто пытался их запутать, чтобы они не мешали настоящему расследованию!»

Всего за несколько дней Гунсунь Байши нашёл подсказку и быстро раскрыл это дело.

Во-первых, хотя эта женщина была хорошей управляющей, ресторан действительно в эти дни запрашивал дополнительный товар у торговца, у которого они обычно покупали рыбу. Во-вторых, со свёкром, мужем и дядей в семье женщины всё было в порядке. Так почему же именно её попросили прийти?

Исходя из этих двух фактов, можно было найти несостыковки. Следующим шагом было следовать по ниточке, тщательно проверяя дело, которым занимался местный феодал. Путём принуждения, убеждения и избиения и запугивания они, наконец, докопались до правды.

Кто-то забрал у женщины двоих детей и требовал у неё большие деньги, угрожая их жизням. Когда деньги были получены, детей не отпустили. Рыбак знал, что идти против чиновников тяжкое преступление, поэтому вначале он не посмел сказать правду.

— В конце концов, вину на себя взял один из охранников, — усмехнулся Гу Тинье. — Он заявил, что просто хотел преподать им урок, и не ожидал, что женщина окажется настолько бесстрашной, что решится умереть. Это и стало причиной катастрофы. К сожалению, у нас не было доказательств того, что они планировали убийство этой женщины, поэтому этого человека всего лишь избили и уволили.

Минлань загрустила

— Мне жаль, что случившееся привело к разрушению семьи.

— Господин Гунсунь посоветовал им взять сбережения и отправиться жить куда-нибудь ещё, — покачав головой, вздохнул Гу Тинье. Заметив выражение лица Минлань, он помог ей снова сесть поудобнее, поправил подушки и тихо спросил:

— Ты злишься на меня?

Минлань лежала в её объятиях и вдыхала запах пыли, смешанный с потом.

— Я знаю, что это было нелегко для тебя. Ты... Ты ведь не пострадал, верно? — она выпрямилась и прикоснулась к его руке и груди. — Я просто думаю, что было бы лучше, если бы ты вернулся раньше.

Гу Тинье долго молчал прежде, чем заговорить.

— Я пришёл к выводу, что власти тех мест насквозь прогнили.

После почти двадцати лет правления императора Женьцзуна в стране процветал не только сговор между чиновниками и торговцами, но также было слишком много связей между гражданскими и военными чиновниками, а также всякими бандами — все они были связаны между собой. Кого бы не проверяли, в итоге вытаскивали целый клубок. Господин Жао Циньчай, выбранный лично императором, был словно стальной костью, застрявшей в их горле, и это их очень раздражало. После того как дело господина Дуаня было решено, Гу Тинье собирался вернуться домой, чтобы поддержать свою жену, но императорский ставленник неоднократно просил его задержаться подольше, чтобы как следует разобраться в ситуации.

— Наш хоу так много делает для страны и народа, он достоин восхищения. Тогда почему ты вернулся? — с кислым лицом поинтересовалась Минлань.

— Я должен был прийти и посмотреть на своего сына, — словно это было само собой разумеющееся, ответил Гу Тинье.

— Твоего сына унесли в другую комнату! — в ярости оттолкнула его Минлань. — Почему ты всё ещё здесь?!

Гу Тинье громко рассмеялся, обнял Минлань и продолжал держать её, целуя щёки.

Старшая служанка Цхуй в соседней комнате нежно поглаживала проснувшегося младенца, чтобы он снова уснул. Услышав смех, она облегчённо выдохнула и с улыбкой покачала головой.

Служанки, собравшиеся в этой комнате, были слегка удивлены.

— Ляньхуай действительно отвратителен, и это нужно исправить. Изначально я хотел всё-таки остаться там и отослать кого-то в столицу, — продолжая держать Минлань в объятиях, рассказывал Гу Тинье.

На самом деле, многие люди не знали, что с того дня, как Гу Тинье принял командование армией, он обзавёлся привычкой тщательно исследовать всё и следить за мелочами. В то время новый император только взошёл на престол, и его положение было неустойчивым. Во дворце и снаружи было множество людей, имеющих скрытые мотивы. Когда Гу Тинье прибыл в Ляньхуай в этот раз, он поймал трёх или четырёх человек, которые шпионили в армии и распространяли разные слухи, и, кажется, были замешаны в чём-то ещё. Люди, стоящие за ними, явно что-то замышляли. В этом не было ничего удивительного. Один из тех, кого он поймал, после допроса признался в том, что получал инструкции из поместья хоу Нинъюань.

Рассказывая об этом, Гу Тинье не мог сказать, что получил точную информацию о том, кто это был. Но, на самом деле, ему не было нужды получать подтверждение, он и так знал, кто это мог быть. Если этот человек осмелился на такое, то Минлань... Когда он размышлял об этом, его прошиб холодный пот, и он решил вернуться в столицу. В конце концов, он уже выполнил поручение императора, и мог позволить себе вернуться. К тому же, император неоднократно хвалил его за расследования в соляной торговле, которым он занимался, получив тайный приказ, так что ему не о чем было волноваться.

Человек императора также был хорошо осведомлён о происходящем и решил, что ситуация под контролем, поэтому не заставил Гу Тинье остаться, зато там остался Дуань Ченьюн.

— Лучше попросить генерала Дуань, совершившего ошибку, продолжить разбираться с проблемой, вместо того чтобы приглашать кого-то, кто совершенно не разбирается в ситуации, — сказал он. Дуань Ченгён был преисполнен энтузиазмом — на него сильно давило то, что он не смог выполнить поручение, и был рад возможности вернуться на сцену.

Гу Тинье ощущал беспомощность, поэтому был вынужден рассказать о своих проблемах и, оставив Гунсунь Байши в качестве помощника, взял отряд стражи и немедленно отправился в столицу.

Это был очень волнующий рассказ. Он несколько дней ехал почти без отдыха и, когда прибыл в столицу и добрался до улицы Нинъюань, увидел клубы чёрного дыма над своим поместьем, а также толпы людей, несущихся прочь с криками «поместья хоу больше нет!»... Гу Тинье был так взволнован, что ворвался в Дом Благоприятности прямо на лошади, и сразу же понял, что Минлань рождает. Наконец, Ту Эр и другие стражники, которых он оставлял, смогли обезопасить эти покои, так что огонь больше не распространялся. Затем он вздохнул с облегчением и осмотрелся. Их дом представлял из себя два объединённых поместья, в то время как на территории бывшего поместья Чен царил хаос, в месте, где он вырос, всё было спокойно и прекрасно. Его захлестнула ярость, и в порыве гнева он...

— Ты... Ты... Ты... Ты на самом деле поджёг наше поместье?! — Минлань была в шоке. Пока его жена рожала ребёнка, он занимался поджиганием их собственности! Такая гениальная идея не могла прийти в голову нормальным людям!

Гу Тинье улыбнулся и отпустил Минлань только затем, чтобы завернуть её в парчовое одеяло. Он встал и, налив тёплой воды из маленького пурпурного чайника, протянул ей стакан.

— Ты хочешь пить?

Минлань тут же залпом выпила полчашки и вернула её Гу Тинье, тот невозмутимо допил.

— Управляющий Хао уже рассказал мне немного о том, что происходило в эти дни, — Гу Тинье поставил чашку обратно и, сев рядом с Минлань, нежно погладил её по спине. — Одна волна за другой... Эта старая сука пытается создать проблемы. Ты думаешь, она остановится после этого пожара? Нет, наверняка у неё уже готов следующий ход, так что я просто заставил её немного повозиться.

— Она что, сошла с ума? Да и ты! Как можно сжигать людей! — Минлань всё ещё была в ужасе, теперь пожилая госпожа Цинь находилась на совершенно другом уровне в её глазах.

— Кто сказал, что я собирался сжечь её? — рассмеялся Гу Тинье. — Я поджёг двор моего третьего брата!

Когда случился пожар было ещё достаточно светло, поэтому все жители покоев третьего брата спаслись. Хотя на ремонт им потребуется много денег, и также пострадало множество вещей. Видя, что ее собственная плоть и кровь в беде, пожилая госпожа Цинь была в смятении и не могла думать ни о чем другом. Пока слуги были заняты тушением пожара, она бесконечно проверяла, в порядке ли её сын, и обнимала своих внуков.

Минлань тихо вздохнула. Она знала, что лучшая защита — нападение, но всё же должны быть какие-то рамки! Злостный поджог это уголовно наказуемое преступление! Если кто-то будет ранен или убит, можно получить пожизненный срок или даже приговор на смертную казнь!

— Хорошо, что все в порядке... — тихо произнесла она.

— Ты что, ещё беспокоишься о них? — усмехнулся Гу Тинье.

Во время пожара в поместье Чен Минлань находилась на грани жизни и смерти, рожала ребёнка, а Тинвей и Чжу Ши всего лишь утешали своих испуганных детей. Они отделались слишком легко, было бы лучше, если бы кто-нибудь из них пострадал. Думая об этом, Гу Тинье чувствовал себя безжалостным.

Минлань опустила голову, она могла лишь вздыхать.

— Но у этой девочки, Сянь, всё ещё есть совесть, — Гу Тинье, наконец, улыбнулся. — Она посмела спорить с моей невесткой в таком юном возрасте! Когда она увидела, что поместье горит, она послала сюда большую часть слуг вопреки своей матери. Жун всё это время была в её покоях.

Гу Тинье действительно удивляло то, что у такой тёмной зловещей личности, как его старший брат, и такой слабохарактерной женщины, как Шао Ши, могла родиться такая дочь. Она была словно побегом бамбука, выросшим из чёрствой земли.

Минлань, наконец, вздохнула с облегчением, этот мир был не так уж и безнадёжен!

— Я и не надеялась, что старшая невестка сделает хоть что-нибудь. Поскольку она вдова, она не может позволить себе идти против пожилой госпожи Цинь, если хочет дожить до старости. Но, как я уже много раз говорила, я действительно люблю её дочь! — радостно сказала Минлань.

Гу Тинье с улыбкой погладил её по голове.

Из-за столь долгого разговора Минлань снова чувствовала себя уставшей. Когда она расслабилась, её веки потяжелели и, прикрыв глаза, она погрузилась в глубокий сон. Дождавшись, пока она уснёт, Гу Тинье поправил одеяло и, осторожно встав, вышел из комнаты. За дверью его уже ждал управляющий Хао.

— Господин, люди размещены, я не знал, можно ли мне побеспокоить вас, — сказал он. Гу Тинье удостоил его беглым взглядом, и управляющий сразу же вспотел, и даже перестал улыбаться. — Господин, пожалуйста, сюда, — склонив голову, указал направление он.

Позади сада в задней части поместья Чен находились несколько стоящих в ряд небольших аккуратных покоев. Поскольку у семьи Гу было не так уж и много людей, всё это пустовало или иногда использовалось как склад для всяких мелочей. Управляющий Хао шёл впереди, а Гу Тинье неспешно следовал за ним. У дверей двора, к которому его привели, стояло пять крепких служанок. Увидев Гу Тинье, они тут же поклонились.

— Внутри всё в порядке? — спросил управляющий Хао.

— Я пригласила лекаря, чтобы осмотреть их, господин, — ответила одна из женщин. — У госпожи Маньнян было лишь несколько незначительных повреждений, а ребёнок просто немного испуган.

Снова взглянув на Гу Тинье, управляющий Хао махнул рукой, чтобы перед ними открыли двери, и пригласил его войти внутрь. Сам он остался ждать снаружи, встав в пяти шагах от неё.

Планировка комнаты была очень простой: внутри был всего один стул, четыре табурета, пара

диванчиков, зеркало и столик для умывания, на котором лежали необходимые принадлежности. На столе стояли чай и закуски, а в углу комнаты установили таз со льдом. Маньнян сидела на диванчике, держа сына на руках. Когда она услышала, как открылась дверь, она сразу же подняла голову. Увидев Гу Тинье, она была вне себя от радости.

Некоторое время Гу Тинье стоял у входа, молча рассматривая её, а затем пододвинул табурет и сел. Маньнян поспешно толкнула сына, чтобы он пошёл в его сторону, и несколько раз повторила:

— Это твой папа, Чан, твой папа.

Маленький мальчик робко шагал в его сторону, продолжая неотрывно смотреть на мужчину перед собой.

— Он всегда скучал по своему отцу и плакал. Теперь, когда он вернулся домой, он будет счастлив! — сказала она.

— Он недавно болел? — внимательно рассмотрев мальчика, спросил Гу Тинье.

— Иногда я болею, иногда нет, — нервно пробормотал мальчик, подняв голову. Он посмотрел сначала на мать, а затем на отца прежде, чем продолжить. — Моя матушка говорит даёт лекарство... Оно очень сильное... и горькое...

Услышав этот ответ, Гу Тинье не мог не нахмуриться. Ему было семь или восемь лет и он даже не мог нормально говорить! Он повернулся к Маньнян и раздражённо спросил:

— Разве вы не приглашали учителя? Сколько книг он прочёл?

— Я так виновата, так бесполезна, — тут же расплакалась Маньнян. — Я не могу этого вынести!.. Я знаю всего несколько слов, как я могу хорошо воспитать ребёнка?

— Что за вздор! — фыркнул Гу Тинье. — Сколько неграмотных матерей из года в год воспитывают сыновей, читающих книги! Ты думаешь, у каждого из этих высокопоставленных учёных есть матери, которые умеют читать и писать?

Он уже долгое время занимал высокий пост, командовал армией и имел власть как внутри, так и снаружи поместья. Пока он низким голосом делал выговор Маньнян, малыш Чан тут же в испуге спрятался за её спину.

— Вы жили в хорошем добротном тёплом доме в Чжуанцзы. Разве ты не отпускала ребёнка больше играть на улице? Почему он так боится людей?

— Он ребёнок, который растёт без отца, все будут издеваться над ним, когда он выйдет из дома! — утерев слёзы платком, продолжила всхлипывать Маньнян. — У него с детства очень покладистый, честный характер. Так зачем же ему выходить на улицу?! Чтобы страдать?!

Гу Тинье молча смотрел на Маньнян, которая продолжала плакать и тяжело дышать. Её голос был жалобным и казалось, будто она очень страдает, но он знал, что это было не так. Он тщательно выбирал ту деревню, и это уже не говоря о том, что в том месте жило много сирот и вдов, чьи отцы погибли на войне. К тому же, тот дом был собственностью Чана. Так разве нашёлся бы тот, кто посмел запугивать мать и сына?!

Но у Маньнян была великолепная способность искажать факты. Если бы он не знал о ней, то даже не обратил бы внимания на несостыковки.

— Кто-нибудь, — повысив голос, позвал Гу Тинье. Управляющий Хао тут же открыл дверь и прошёл внутрь, склонив голову.

— Заберите ребёнка и попросите служанку позаботиться о нём, — велел Гу Тинье.

Понимая, что господин собирается поговорить с этой Маньнян наедине, он поспешно позвал служанку, чтобы та забрала ребёнка. Чан, однако, не хотел расставаться и цеплялся за Маньнян. Ей пришлось долго уговаривать его прежде, чем он, наконец, согласился выйти.

Дверь снова закрыли, в комнате осталось лишь два человека. Маньнян, испуганная, стояла в центре комнаты.

— Садись, — указав на табурет, велел Гу Тинье. Маньнян медленно села.

— Итак... — устало сказал он. — Я когда-нибудь просил тебя посвящать свою жизнь мне?

Маньнян была поражена услышанным, её глаза снова покраснели.

— Почему дорогой спрашивает об этом?.. Если бы господин не пожалел одинокую меня тогда, я не знаю, где бы я умерла!.. Поэтому я... Я хочу следовать за вами!..

— В конце концов, всё это было ложью. Твой брат никогда не бросал тебя и не умирал. Ты постоянно давала ему денег, чтобы он мог начать своё дело, — горько улыбнулся Гу Тинье. В молодости он чувствовал себя героем, который спас слабую девушку из огненного моря.

— Нет-нет!.. — поспешно возразила Маньнян. — Кто оклеветал меня?! Мой брат украл у меня деньги, бросил меня и сбежал!.. Он вернулся лишь через несколько лет, господин, вы...

— Три человека подтвердили это, — махнув рукой, прервал её Гу Тинье. — Твой брат, Шань, и

девушка, которая раньше была рядом с тобой. Хотя ты говорила, что от твоего брата нет новостей уже несколько лет, вы постоянно отправляли друг другу вещи.

Лицо Маньнян побледнело, она не ожидала, что Гу Тинье сможет узнать об этом.

— Когда Яньхун умерла, я сказал тебе, чтобы ты перестала использовать свой рот и пустые слова, чтобы осуждать других людей, — смотря на неё, произнёс Гу Тинье. В его сердце не было ни капли эмоций. — Кроме того, это была ты.

В то время он не мог поверить, что всё это время не знал человека, рядом с которым жил, не мог поверить, что жил во лжи, и как дурак, выполнял все её прихоти. Когда отец ругал Маньнян, когда все говорили, что у неё дурные намерения, он снова и снова защищал её, превознося её характер и добродетель. Неожиданно оказалось, что он был неправ. Какое это было унижение!

— Я тебе что-нибудь обещал? — продолжал спрашивать Гу Тинье. Его взгляд был острым, как бритва, каждое его слово словно было гвоздём, вбивающим Маньнян в табурет. — Я когда-нибудь говорил, что хочу сделать тебя главной женой? Я лгал тебе?

Пот стекал по лбу Маньнян, и она снова и снова вытирала его, чтобы не потёк макияж, который она заблаговременно нанесла.

— В самом начале я сказал, что не могу дать тебе имя моей семьи. Ты сказала, что пока можешь следовать за мной, ты готова быть никем, — продолжал он. В то время он действительно верил её словам и думал, что встретил искреннюю женщину, с которой сможет провести всю свою жизнь. — Потом родились Жун и Чан. И ты говорила, что не беспокоишься о себе, но беспокоишься о детях, и умоляла меня принять тебя в семью в качестве наложницы. Я боялся, что над тобой станут издеваться, поэтому решил найти себе милую кроткую жену. Я узнал, что старшая госпожа семьи Ю — нежная, мягкая, добродетельная женщина, поэтому попросил своего отца договориться о свадьбе. Кто же знал... — Гу Тинье рассмеялся. — Кто же знал, что у тебя были такие грандиозные планы!

— Дорогой! — воскликнула Маньнян и, бросившись на пол, крепко обняла его за ногу. Приподняв голову, она продолжила со слезами на глазах. — Когда я пришла к дому семьи Ю, я была в замешательстве! Я боялась, всем сердцем боялась, что госпожа Ю не позволит мне войти в семью! Это всё было из-за любви к вам!

— Ты никогда не была в замешательстве.

Гу Тинье даже пальцем не пошевелил, просто холодно смотрел на неё сверху вниз.

— Ты шла к своей цели шаг за шагом, и каждый твой шаг, каждое движение, я могу перечислить их все. В конце концов, я сделал то, что ты так хотела — оставил своего отца. Если бы не дело Яньхун, я бы так и не засомневался в тебе. Я бы увёз тебя как можно дальше

отсюда, к рекам и озёрам, как ты и хотела. И взял бы тебя в жёны, верно? — его слова резали, словно нож. Маньнян потеряла дар речи.

— Но что изменилось?.. — глаза Маньнян странно блестели, она нежно потёрлась лицом о колено Гу Тинье. Её голос был мягким и нежным, казалось, она пела. — С самого детства люди из поместья Нинъюань хоу издевались над тобой, дорогой. Я единственная, кто всё это время был искренним по отношению к тебе. Меня не волнуют богатства и величие поместья Нинъюань хоу, дорогой. Мне нужны только вы, дорогой! Давайте уедем как можно дальше и будем жить в своём доме! Дорогой, вы очень способный. Наша семья будет состоять всего из четырёх человек, мы будем жить, словно нас благословили боги! Мы будем счастливой парой, разве нет?

— Хорошо сказано, — смотря на голову Маньнян на своих коленях, хмыкнул Гу Тинье. Та подняла голову. — Твой план очень хорош. Но спрашивала ли ты у меня, хочу ли я так жить?

Дыхание Маньнян стало частым, её взгляд забегал. Гу Тинье продолжал смотреть на неё.

— Сегодня я ясно дам тебе понять. Я никогда не собирался делать тебя своей законной женой.

Даже в то время, когда их отношения были наиболее гармоничными, его самым большим желанием было просто хорошо обращаться с этой бедной девушкой, чтобы она могла в будущем наслаждаться безбедной и сытой жизнью, и не страдала от издевательств.

Зрачки Маньнян резко расширились, её рот несколько раз открылся и закрылся, её ноздри раздувались.

— Ты не хочешь жениться на мне?! Тогда на ком ты хочешь жениться?! На одной из этих посредственных невежественных девиц, единственное достоинство которых это то, что они родились в благородных семьях?!

— Ты права, я всё время хотел жениться именно на такой «посредственной» женщине, — улыбнулся Гу Тинье, его очень позабавило услышанное. — На женщине, которая выйдет замуж за человека, которого ей выберут родители. На женщине, которая будет хорошо воспитывать своих детей и правильно управлять семьёй. На женщине, которая будет заботиться о всей семье, а не о развлечениях, которая будет доброй и посредственной! Я никогда не стал бы жениться на такой «замечательной» женщине, как ты!

Услышав сарказм в его словах, Маньнян едва не задохнулась от гнева. Ей захотелось выдрать из своей груди ненависть и швырнуть ему её в лицо. Она тяжело вздохнула, перевела дыхание и осела на землю.

— Вы просто смотрите на меня как на старуху... Всё дело в том, что она молода и красива... Вы передумаете, непременно передумаете, когда она постареет... В этом нет ничего нового... У мужчин много сердец, они постоянно раздают их женщинам... Но как же я?.. Пожалейте меня,

я ведь отдала вам всё своё сердце!... И всё закончилось так!..

Гу Тинье снова не смог сдержать смех. Он часто думал о том, что если бы Маньнян была мужчиной, то она была бы плохим человеком. Всякий раз, когда он решал, что нужно поговорить о чём-то важном, она всегда виртуозно меняла тему и мешала разговору вернуться в нужное русло, если не хотела чего-то слышать.

— Сердце? Из-за твоего сердца я должен чувствовать себя виноватым и постоянно думать о тебе? — Гу Тинье встал, сцепил руки за спиной и отвернулся к окну. — В последние несколько лет я тщательно обдумывал всё это, если бы я не принял меры в самом начале, что бы с тобой случилось?

Маньнян закрыла лицо платком, на сердце у неё было беспокойно. Если бы не помощь Гу Тинье, насколько невыносимым бы было её положение?

— Я с самого начала хотел дать тебе хорошую жизнь. Из-за тебя я несколько раз послушался старших, и даже не видел лица своего отца перед смертью, — Гу Тинье неспешно прошёлся по комнате и вновь остановился перед Маньнян. — Я был уверен, что прав насчёт тебя, и всегда заботился о тебе.

В те дни, когда он сбежал из дома, как бы плохо не было у него с деньгами, он всегда старался скопить и отправлял деньги в столицу, предпочитая есть простую пищу и носить грубую одежду. Ведь в столице жил Чан и его мать. Сегодня он, наконец, может с уверенностью говорить об этом.

Маньнян слышала, что голос Гу Тинье становился всё холоднее и холоднее. Сегодня всё шло не так, о ей нужно было найти способ, чтобы вернуться в семью, поэтому она принялась плакать и умолять:

— Я ошиблась, я так ошиблась!.. Дорогой, прошу тебя, сжался надо мной ради ребёнка!.. Ах, а Жун... Она так давно не видела своего брата!.. Они так хорошо ладили в детстве, как можно разлучать их?!

— Поскольку брат и сестра были разлучены в течении многих лет, они уже не помнят об этом, — с лёгкостью отмахнулся от неё Гу Тинье. — Кроме того, у Жун уже есть младший брат.

— Новая госпожа... Родила сына?.. — вскинув голову, спросила Маньнян.

— Твои планы провалились, и мать и сын в безопасности, — не скрывая гнева, сказал Гу Тинье.

Маньнян, казавшаяся обессиленной, вдруг резко выпрямилась и крепко обняла ноги Гу Тинье.

— У вас появился законный сын, поэтому вам, дорогой, больше не нужен мой бедный сын Чан?!

Вы уже забыли, как целовали и обнимали его, пока он был маленьким?!

— Я говорил тебе, что могу забрать его, ты забыла? — холодно спросил Гу Тинье, его лицо ничего не выражало. — Прежде чем жениться на девушке из семье Шен, я по-доброму побеседовал с тобой. Я сказал, что Минлань будет хорошо с ним обращаться, и что я позабочусь о его образовании. Это ты отказалась отдавать его и говорила, что лучше умрёшь. Ты уже забыла?

— Дорогой, ваше сердце такое жестокое!.. Даже если новая жена лучше старой, как она может желать разлучить мать и ребёнка?! — хрипло воскликнула Маньнян. — Раз госпожа Шен такая добрая, почему она не может терпеть и меня?!

— Я не могу тебе доверять, — холодно произнёс Гу Тинье. — Однажды ты уже сделала меня вдовцом. Ты думаешь, я хочу стать вдовцом во второй раз? Что ты планируешь сделать на этот раз? Как ты посмела прикрываться ребёнком, чтобы вновь навредить моей жене?! Ты думаешь, я не понимаю твоих намерений?!

Маньнян нечего было на это ответить.

— Эта госпожа Шен действительно хотела сжечь меня заживо! — закричала она.

— Это госпожа Цинь хочет сжечь всех вас заживо, — закричал в ответ Гу Тинье. Если бы он не поджёг двор Тинвея, пожилая госпожа Цинь закончила бы начатое, и его жена и ребёнок сгорели бы заживо! — Ты прекрасно видела, как старшая служанка Сян готовит поджог! Что за гнусная ложь! Твой рот действительно ядовит! Что за жалкая женщина с чёрным сердцем!

— Дорогой!.. Дорогой!.. — Маньнян дёргала Гу Тинье за край одежды. — Пусть я ужасна, но Чан — ваша плоть и кровь! У вас хватит духу позволить ему жить снаружи?! Пусть вы не хотите принимать меня в семью, но позвольте хотя бы Чану вернуться! Я согласна видеться с ним раз в месяц, нет раз в год!..

— Нет, — категорично отказался Гу Тинье, отворачиваясь от неё. — Теперь, когда вы устроили здесь такую сцену, как Минлань может согласиться заботиться о Чане?

К тому же, он не мог доверять такому взрослому ребёнку. Ему было уже около восьми лет. Он легко мог создать проблемы. Когда ему было семь лет, он уже бросал всякую гадость в кровать Гу Тинвея. Хотя в то время его характер ещё был достаточно терпимым. Если в сердце Чана была ненависть, он не мог надеяться на то, что он забудет её. Если бы он рос здесь, у них не было бы ни одного спокойного дня, они бы всё время ожидали катастрофы. Грубо говоря, он не собирался рисковать своим новорождённым сыном.

— Говоришь ты или молчишь, всё одно — Минлань, Минлань, Минлань! — усмехнулась Маньнян. Она перестала плакать и вытерла слёзы. — Хорошо, теперь она твоя возлюбленная, но откуда тебе знать, что ты не ошибся и в этот раз?! Может, она лишь ещё одна актриса!

— Ты думаешь, когда я женился на ней, я всё ещё был идиотом? — обернувшись, с улыбкой спросил Гу Тинье. — Как я проверил тебя, точно также я проверял Минлань. Я верю ей не из-за её слов, а из-за её поступков. Её интеллект не ниже твоего. Понаблюдав за ней некоторое время, я понял, что она способна справиться со всеми этими суками.

Думая о Минлань, он не мог не почувствовать тепло в своём сердце.

— Дело не в том, что она не может его взять, — вздохнув, пояснил он. — А в том, что она не хочет. Она отличается от тебя, у неё есть сердце и она знает, что можно делать, а что нельзя! Думаешь, она так же жестока, как ты? Пф!

Ещё задолго до женитьбы он тщательно изучил внутренний двор семьи Шен. Для Минлань самым изобретательным заговором было притвориться, что она плачет, перед отцом или бросить кусок сала на стул сестры, чтобы вернуть долг. Она могла быть педантичной и вовлечённой во что-то, но она была честной, и ей можно было доверять.

Слушая слова мужчины, наполненные любовью, Маньнян ощутила ревность и ненависть, её сердце горело огнём, и ей очень хотелось сказать несколько жестоких слов.

— Именно ты приняла то решение о судьбе Чана, — внезапно сев перед ней на корточки, сказал Гу Тинье. — Ты же знаешь меня. Если я принял решение, я не заберу обратно своих слов. В этой жизни и в этом мире Чан никогда не станет частью семьи Гу и не будет вписан в семейное древо. Ему следует самостоятельно основать свою семью.

— Ты... Что ты собираешься с нами сделать?! — заторможенно спросила Маньнян.

— Ты не можешь больше оставаться в столице, — встав и на мгновение задумавшись, ответил Гу Тинье. — Я отправлю тебя обратно в твой родной город в Хуэйчжоу. Когда ты доберёшься туда, ты сможешь купить себе землю и начать жить заново. Я посету местных чиновников, и никто не посмеет третировать Чана за то, что он растёт без отца.

— Тогда... Что насчёт меня? — Маньнян снова собиралась заплакать. — Это конец моей жизни?!

— Я просил тебя отдать мне Чана, чтобы ты могла спокойно выйти замуж, — усмехнулся Гу Тинье. — Ты сказала, что в таком возрасте уже не сможешь удачно выйти замуж. Ты сказала, что если у тебя не будет сына, тебе не на кого будет опереться. Из-за этих слов я оставил Чана рядом с тобой. Что, неужели ты опять передумала?

— Ты просто ненавидишь меня, верно? — вскинув голову, спросила Маньнян, в изумлении смотря на мужчину. — Ты даже не хочешь меня больше видеть!

Некоторое время Гу Тинье молча смотрел на неё.

— Если честно, я боюсь тебя, — тихо произнёс он.

Изобретательность, терпение и настойчивость Маньнян были словно у дух паука в истории Чанмао. Она плела липкую плотную паутину, заманивала свою цель в ловушку и наблюдала за тем, как та барахтается, неспособная выбраться. Бесполезно было просить о пощаде и надеяться на то, что она отпустит его. На самом деле, он чувствовал, что был лишь один способ избавиться от неё — убить. Оставить её было всё равно, что сбежать с Небес.

— Сегодня я дам тебе последнее обещание, — подойдя к двери, внезапно обернулся Гу Тинье. Он смотрел на Маньнян, которая всё ещё сидела на полу. — Если у вас случится что-то срочное, ты можешь попросить кого-нибудь передать мне сообщение. Чан'эр моя плоть и кровь, я не стану сидеть сложа руки. Но если... — его лицо было непроницаемым, а голос холодным, словно мороз. — Если ты осмелишься снова явиться в столицу или подойти к дверям моего дома по какой-либо причине... Ты больше никогда не увидишь Чана, а он не сможет увидеть тебя.

Он не сказал «я убью тебя» или «потому что нельзя увидеться с тем, кого не существует», но Маньнян хорошо знала его и понимала, что если он решит забрать у неё сына, он разберётся с ней раз и навсегда.

Сказав это, Гу Тинье резко открыл дверь и вышел. Ослепительное солнце сияло над его головой, в лицо дул освещающий ветер с гор и лесов. Он глубоко вздохнул и торжественно произнёс:

— На рассвете подготовьте повозку.

— Как прикажете, господин, — уважительно ответил управляющий Хао.

Гу Тинье слегка повернул голову и посмотрел в сторону покоев пожилой госпожи Цинь.

«Пора разобраться с ними», — усмехнувшись, подумал он.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648909>